
Н.С. ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Архиерейские объезды

Николай Лесков

Архиерейские объезды

*Нельзя, не видя океана,
Себе представить океан.*

Напечатанные в 1878 году очерки «*Мелочи архиерейской жизни*» вызвали несколько заметок, написанных духовными лицами, между которыми были и два архиерея.

Между письмами почтивших меня корреспондентов есть несколько выражающих мне укоризну за «погоню за простотою». В этом писавшие усматривают «влияние протестантского духа».

Я хотел бы остановиться на этом странном и неуместном замечании; я хотел бы сказать по крайней мере, сколько несправедливого и прискорбного заключается в той неосторожности, с которою наши охотники до важности и пышности уступают протестантам такое прекрасное свойство, как *простота*; но пройду это молчанием и коснусь только *одной частности* в вопросах об упрощении отношений архиереев к подначальному им духовенству.

Мне пишут: «хорошо ли, если наши архиереи, объезжая приходы, будут трястись в та-

рантасиках да кибиточках, в коих их иной примет, пожалуй, за странствующих купцов, тогда как католические епископы будут кататься шестернями» и т. п.

Там мешал протестантизм, здесь – католичество...

Я ничего не могу отвечать на такой трудный церковный вопрос, но я никак не думал, чтобы нам был очень важен пример католических епископов! Как бы они ни катались, – им свой путь, а нашим – своя дорога, а при том никто и не добивается, чтобы русские епископы «тряслись» в тарантасах и кибитках. Об этом известен какой-то анекдотический разговор митрополита Платона (Левшина) и больше ничего. Дело вовсе не в экипаже, а в том, кто в нем едет. Можно и в карете ехать с мирною простотою и в кибитке приближаться с большою и обременительною требовательностью. Об этой-то требовательности и идет речь у благонамеренных людей, желающих установления лучших, более искренних и более полезных для церкви отношений епархиальных начальников к сельскому духовенству.

Некто, бывший простым священником и потом достигший «степеней», пишет: «Ожидание епископа очень благоприятно действовало на духовенство именно тем, что это было событие важное, которого ждали и к которому подготавливались. Тут, бывало, все подберется и подтянется в струнку. Иной, слабый человек, годы храмлющий на оба колена, зазлышав об архиерейском приезде, позадумается и исцелеет. Другой, беспокойный и сварник, – сходит к мирянам и примирится и вообще поочистится в своем поведении, а иной, давно отупевший и все позабывший, возьмется за ум и поучится, как отвечать на вопросы владыки, а от того делается опытнее. Наконец, самое это ожидание бывает полно прекрасных минут для собравшегося духовенства, которое, совокупясь вместе ко встрече, ближе ознакомливается друг с другом и притом научается полезной солидности, как держать себя, сообразно достоинству своего духовного сана, серьезность которого порою, в мелочах житейских, позабывается. Вообще это напоминало что-то вроде сошествия ангела, прилетающего возмутить и сделать снова

целебными застоявшиеся воды сельской купели».

Поистине – прекрасная картина, к которой, главным образом, и пригодится тот *приклад*, который я имею возможность предложить ниже, в виде дополнительной иллюстрации.

Но проследим еще за тем, что говорит опытный корреспондент.

Начертав приведенные заметки, он заключает их словами: «Мирянин этого знать не может. Как бы искусно он ни наблюдал быт и нравы духовенства, он не может дать оценки тому, что в этих случаях творится в душе ожидающих. Это невозможно для стороннего наблюдателя именно потому, что происходит *внутри* человека. Это знают только те, кто сам подобное испытывал».

Может быть, все это правда. Вообще я не стану опровергать моего корреспондента пункт за пунктом. Хотя мне кажется, это не особенно трудно было бы сделать, по крайней мере в отношении некоторых из его доводов. Так, например, можно бы попытаться доказать ему, что если бы епископы ездили поча-

ще и попроще – без больших сборов и торжественных оповещений о том, что они «скоро будут и непременно придут», то завязывающиеся у духовенства распри с мирянами не тянулись бы до тех пор, пока им угрожал *ожидаемый* наезд. При опасении неожиданности дела могли идти иначе, и «отупевших» и «храмлющих на оба колена» тоже могло быть меньше. Но «оставим все это астрономам доказывать», а обратимся к одному последнему обстоятельству, которое могут доказывать не астрономы, а благочестивые отцы наши, на самих себе испытавшие все влияние торжественного снисхождения ангела, приходящего «возмутить и сделать целебными застоявшиеся воды сельской купели».

Хотя мой почтенный корреспондент, обладая живым красноречием, так *заговорил* дело, что мне, не имевшему в указанных обстоятельствах личного опыта, не оставалось бы ничего иного, как поверить ему во всем на слово и умолкнуть, но благому случаю и доброй услуге некоторых друзей угодно было меня выручить. Ими доставлена мне возможность рассказать нечто небезынтересное о се-

ррезных впечатлениях, производимых на духовенство в ожидании архиерейской встречи.

В моих руках находится очень редкая вещь – это выписка из дневника, который в течение довольно многих лет вел недавно скончавшийся сельский священник и благодетель. Я называю это вещью *редкою* потому, что до сих пор не встречал еще ни одного русского сельского священника, который бы вел записки изо дня в день во всю свою жизнь. То, что издано под подобным заглавием гг. Ливановым и кн. Владимиром Мещерским, – есть, кажется, плод собственной фантазии этих авторов, из которых первый хотя и знал быт духовенства, но был очень односторонен, а другой нигде не обнаруживал ни малейшего знакомства ни с каким бытом и притом страдал односторонностью еще больше Ливанова.

На самом деле наши сельские священники совсем не склонны к писанию дневника, и очень немногие из них способны вести заметки с правдивостью и в то же время с живым юмором. Между тем всем этим отличается действительный дневник, которым я пользую-

юсь для моих иллюстраций. Тут мы без всяких прикрас увидим, что на самом деле происходит у собравшихся духовных лиц во время торжественного ожидания ими своих владык, «обтекающих свои области».

Во главе этого повествования да позволено будет мне сказать два слова о самом авторе дневника. – Это совершенно необходимо для того, чтобы вперед опровергнуть всякое подозрение в вымысле.

Автор дневника – о. Фока Струтинский, священник села Гореничи, в двадцати верстах от города Киева. Он был человек умный, опытный, наблюдательный и немножко юморист, что читатель и не преминет увидеть из следующих за сим отрывков его дневника. Журнал свой о. Фока вел во все время своего служения, сначала простым сельским священником, а потом благочинным. За это время (с 1829 по 1854 год) он исписал десять объемистых томов, имеющих весьма разнообразный интерес и немалое значение для истории сельского духовенства в России. Дневник этот, может быть, составил бы не менее инте-

ресное чтение, чем известные «Записки Добрынина», но, к сожалению, все содержание десяти томов покойного отца Фоки теперь не может быть предметом нашего рассмотрения. Мы возьмем из него только то, что им записано об архиерейских встречах, которые он справлял за свою жизнь, пока скончался, 15-го декабря 1854 года. Внешние хлопоты и внутренние ощущения ожидателей здесь представлены с достаточною наглядностью человеком, которого никак нельзя укорить ни в малосведущности, ни в тенденциозности.

За сим начнем ab ovo.[1]

«1841 г., 2-го июня. Располагали сегодня ехать в Киев, но в семь часов утра – новость! Завтра в Белогородке ожидают митрополита (Филарета Амфитеатрова). Розалия В. вчера вечером послала в Вольшку, а сегодня к нам за рыбою. К счастью, Косьма обещает дать с полпуда вчера пойманной рыбы; я предполагаю после обеда поехать и узнать, что там делается. Протоиерея застал только что приехавшего и чрезвычайно хлопочущего – особенно, что не дали окончить следственного

дела. Указ получен, что митрополит отправится для обозрения уездов Киевского, Радомысльского, Махновского, Сквирского и Васильковского. По предписанию земского исправника Волкова, станция должна заготовить для подъема экипажей девятнадцать лошадей. Завтра и мне должно явиться для встречи его высокопреосвященства».

«Июня 3-го, вторник. Очевидно – чем слишком занят, то и во сне снится. Уже послал через дьячка свое облачение, вот покушаю и еду. Прощай, жена! Прощайте, детки! Еду в путь хоть недалекий, но, впрочем, несколько опасный».

«Не удивляйтесь, братия мои возлюбленные, что я, отправляясь навстречу владыке, поставил в своем журнале три звезды. Страху я боюсь. Я легко мог вообразить, что, может быть, случится и долгое отсутствие мое от моего прихода и от журнала, но, слава Богу, – возвратился домой вечером – цел, жив, здоров, невредим и даже весел».[2]

«По предписанию о. протоиерея, нас собралось подведомственных семь иереев и почти что столько же в стихарях дьячков, для встре-

чи высокопреосвященного. Все возлежали на муравке подле церкви. Некоторые, подобно Ионе, уже и храпляху... Вдруг раздается тревога и производится колокольный звон, мы стремглав летим к облачениям, выстраиваемся в должном порядке и продолжаем Андреево стояние с добрые полчаса. Наконец узнаем, что это передовой отряд диаконов и певчих. Звон умолк, облачение снято, и мы опять принялись за рассказы, которые продолжались часа два. Но в три часа пополудни опять суматоха прежняя – и не по-пустому, желанная минута настала: святитель встречен громогласным „Достойно есть“ и „Многие лета“. Преподав нам мир и благословение, он порознь расспрашивал: из каковых кто?» (После некоторых обычных действий.) «Расспрашивал об урожае, говорим ли проповеди? Я отвечал, что, со времени получения указа, говорю по одной в месяц. Советовал составлять и по четыре. Из дома шествовал в сопровождении всех нас к мельницам: пил чай у откупщика Александра Якимовича Барского и, преподав нам *в десятый раз* свое пастырское благословение, уехал в Мотыжин».

В этой первой выписке, кажется, не видим ничего, кроме «страха» да легкого подшучивания исподтишка, – ничего, возвышающего дух и сознание, нет.

За этим следует другая встреча. На сей раз отец Фока встречается опять того же митрополита Филарета, но уже довольно много лет спустя, именно в 1845 году, – а отец Фока теперь уже не простой молодой священник, а *благочинный*.

В дневнике сначала отмечено довольно сложное «движение» отца Фоки, по случаю проезда императора Николая Павловича. Это свое «движение» отец Фока тоже описывает, мешая важность и даже некоторую восторженность с благопристойною шутливостью.

«В 3 3/4 часа пополудни тихо, чинно, стройно переменили лошадей. Экипаж закрытый со спящим гением России помчался далее. К нему навстречу шел зарумяненный восток, а сзади катился смиренный экипажец отца благочинного, Струтинского, который прибыл на восходе солнечном домой и разбудил нециих, еще спавших».

И тотчас после этой отметки идет следую-

щая. Благочинный Струтинский встречает другого гостя.

«*Мая 23-го (1845)*. Надобно ожидать другого гостя – митрополита. Опять хлопоты, суета – за хозяйство некогда и подумать. Вчера, впрочем, посеяно три меры проса и малость лену, а сегодня роздано жалованье, и прихватом слепил проповеденку на неделю св. отец и на случай прибытия владыки, о котором неизвестно еще, где предполагает литургисать. Послан нарочный уведомить».

«*24-го мая*. Получив обстоятельное описание выезда нашего пастыря, из которого видно, что он будет литургисать в Радомысле, – я побывал в Белогородке для совета».

«*25-го мая*. В полдень завез Анну В. в Белогородку и узрел там животрепещущих щук, заготавливаемых на фриштык для владыки, имеющего завтра служить литургию и завтракать».

«*26-го мая*. Еще сущу ми на одре, утром получен с почты пакет, из которого усмотрено, что митрополит отправится из Киева в воскресенье. Вот и расстройство: священство съехавшееся разъедется, и я тоже».

«27-го, неделя и новолуние. В служении изморился и мокрую рубаху переменял. Сплю... Гремит – сплю; проливной дождь – сплю... Снится встреча... сплю... и думаю, что владыка в такую пору не осмелится отправиться. Ergo[3] – еще больше сплю и храплю не хуже Ионы. Наконец в три часа пробуждаюсь – солнце на небе сияет, а грязь в моих сенях воняет. Собравшись, прибыли в Белгородку и застали восемь священников в облачении. Через час и владыко со свитою на тридцати лошадях. Ревилы (ревуны – басы, дьяконы, певчие), прибывшие вперед, испугали мою Липушку, наговорив, что Соколовский (помещик с Гореничи) просил владыку на ночлег; но я себе думаю: брешете, дорога нисколько в провале не исправлена, да и его нет в доме... А тут пристав объявил уже мне, что владыка намерен далее ехать и велел заготовлять лошадей... Вот тут я, по правде сказать, окаменел, не зная сам, что мне и делать?»

Но обстоятельства, поставившие отца Фоку в такое положение, что он «окаменел», изменяются, благодаря участию отца ключаря, которому было передано, что у отца Фоки

«расстройство», – после чего ключарь «обещал все уладить».

«Идя из церкви, – вследствие предложения отца ключаря, – владыка решился остановиться в Белогородке на ночлег, а после изъявил согласие посетить гореницкий храм... Я бегал... или, лучше, – я стоял... меня гоняли, – шептали: „скорей, скорей, у вас владыка будет пить чай!“ Певчие и дьяконы приставали: „просите, просите владыку, чтобы у вас остался ночевать на покое“. А я себе, запыхавшись, думаю: где там просить ночевать, когда у меня полны сени грязи, и на дворе грязь, и в комнатах теснота и неисправность? Касательно же приема: что и было в запасе, то все перевезено на тракт».

В этом отчаянном положении отец Фока являет новую черту своего характера и своего веселого юмора. Заручившись обещанием ключаря «все уладить», отец Фока суетится, когда его «гоняют», и со всех сторон ему «шепчут» и тормозят его до того, что он уже не может разобрать, «бегает» он или «стоит», а все-таки он знает, ему же верует и на кого надеется. Но когда вся эта докука его одолевает,

то он уже не в силах ни стоять, ни бегать и отвечает в лапидарном стиле:

«Как себе хотите, так и делайте, а мне не мешайте по крайней мере сопты (то есть сопеть) да вытирать пот с чела».

И дело не обошлось без того, что митрополит побывал у отца Фоки. К счастью, его высокопреосвященство всем остался доволен и обласкал дочь хозяина, а угощение было не нужно. При простоте и невзыскательности покойного митрополита Филарета все сошло с рук хорошо, но, однако, мук и тревог бедному отцу Фоке все-таки, как видим, было немало. Затем гости уезжают, и благочинный с сотрудниками могут вспомнить и о себе.

«По выезде свиты (продолжает дневник) мы принялись доставать бутылку мадеры и чай с пуншем».

Подкрепясь, отец Фока пустился вслед за митрополитом в Мотыжин. Приехав туда «и зашевелив всех, (он) принялся переписывать набело свою вчерашнюю проповедку, которую и удалось, за благословением архипастырским, сказать в мотыжинской церкви».

Как он мог во всей этой бестолковой суете

обдумывать, сочинять и набело переписывать свою «проповедку», – это достойно удивления. Именно, разве бог помогал. Но не легче ему было прийти в себя и собраться с духом, чтобы произнести эту «проповедку» в присутствии своего маститого начальника.

«Встреча (в Мотыжине) была сделана только двумя священниками: отц. Тихоном и Вознесенским. Первый из них тотчас начал литургию. Певчие пели, а я шатался и хлопотал о чае и фриштыке, но успел неробко произнести слово».

«Сопты и отирать с чела пот» более было не нужно. Дневник далее повествует: (владыка) «уехал с довольно веселым к нам благорасположением. Тут-то мы, отощавшие, принялись в двенадцать часов в доме отца Якова подкрепляться, где был и священник Ч—ский, приехавший просить духовенство на погребение жены священника Г—ва, вчера скончавшейся. Напились до избытка и, дремля, в шесть часов вечера уехали».

Этим заключено описание второй архиерейской встречи, которою труждался в своем благочинническом житии отец Фока Стру-

тинский. Впечатление, производимое его характерным очерком, опять очень цельно и способно надолго оставить в памяти всю эту комическую суматоху, где не отличишь серьезное от смешного. Я, конечно, не берусь определять, насколько деятели описанной суматошной истории повысились или понизились после того, как чрез их места проследовал владыка, и они тотчас же за его отъездом, – не знаю, с горя или с радости, – «напились до избытка», причем под эту же статью попал и скорбный посол смерти – священник, приехавший просить духовенство на погребение жены другого священника, «вчера скончавшейся»... Вот и все возвращение «целебных свойств застоявшимся водам сельской купели!» Живыми и мертвыми здесь обладает какая-то жуть, от которой даже бедной покойнице беспокойно. Будь это все проще и не вызывай такой суеты, разумеется, было бы лучше; тогда перед нами, может быть, прошло бы течение более чистое, в котором мы могли бы разглядеть что-нибудь более достойное внимания и забот благочестивого человека вообще, а христианина в особенности.

Но и это не все, что можно сказать. Никак не надо забывать, что все открываемое нам дневником отца Фоки происходило при митрополите Филарете Амфитеатрове – человеке очень простом и добром, которого из духовенства мало кто боялся. Отец Фока его если и трусил немножко, то только вначале, при первой встрече, да и то как будто «в нарошну», а потом только хотел «сопты да пот отирать». Но совсем не то производил владыка, которому предтекала молва, что он нетерпелив и взыскателен. Тогда «притрепетность» – это особая болезнь, сопровождающая встречальщиков путешествующих владык, – сообщается лицам сельского духовенства с заразной силой, и начинается ряд сцен, представляющих для мало-мальски наблюдательного глаза удивительную смесь низкопоклонства, запуганности и в то же самое время очезримой лицемерной покорности, при мало прикровенном, комическом, хотя и добродушном, цинизме.

Дневник отца Фоки Струтинского дает очень интересный образчик и в этом забавном роде.

Другой архиерей, беспокоивший своими встречами отца Фоку, был викарий Филарета Амфитеатрова, епископ чигиринский Аполлинарий. Этот святитель далеко не слыл за такого добряка, как покойный митрополит, и хотя по значению своему был гораздо меньше митрополита, но страха и «притрепетности» умел наводить гораздо больше.

В дневнике отца Фоки отмечены две визитации этого владыки (тоже уже скончавшегося) – одна вкратце и вскользь, а другая поспокойнее и попросторнее.

Тревоги по первому наезду начинаются 14-го мая 1847 года.

«14-го мая, суббота. Указ получен, что 16-го преосвященный Аполлинарий выедет из Киева для обозрения по нашему пути церквей. – Новые хлопоты!»

«16-го мая. Погода ясная, но ветер столько холодный, что пришлось ехать в теплой шубе. В Мотыжине долго скучали, ожидая; он прибыл часу в пятом или в шестом. Встретили благополучно, только за записку книг, за почистки и проч. несколько пожурил. Впро-

чем, обходился довольно ласково. При встрече были священники В—в, Р—ский и дядя Г—с с клирами».

«Когда его преосвященство изъявил согласие пить чай, то я, испросив у него благословение, пустился во всю прыть в Фасову, а за мною в погоню дьяконы и певчие в двух экипажах, за обычным ялмужным (нищенским) побором, которое и получили от меня».

Как шибко ни гнал отец Фока от этих обид, но не спасся от них даже полученным благословением. Оки нагнали и обработали благочинного на той самой дороге, по которой *всего в четверти часа* расстояния ехал за ними их епископ, человек довольно строгий и взыскательный.

«Через четверть часа (продолжает отец Фока) прибыл и владыка Аполлинарий. Здесь при встрече были отцы В—ский, О—ский и Г—лов, *с пьяными бездельниками клириками...*»

Здесь упоминается тот самый отец Г—лов, у которого скончалась жена во время вышеописанной митрополичьей встречи, когда на погребение ее приглашали духовенство, «по

трудех своих подкрепившееся до зела».

«Преосвященный велел конторщику сделать замечания о том, что нашел в книгах... что сей и учинил: а что из того выйдет – почему, кто живой дижде.

Преосвященный давно уговаривал Г—лова к себе в монастырь. У дьякона заметил полуштоф на окне, с жидкостью. С улыбкой допрашивал:

– Что это?

– Уксус, ваше преосвященство.

– Да ну – точно ли?

– Ни... уксус, уксус... да еще и добрый уксус.

Ось понюхайте, владыка.

Чудак отец Калиник – смешит владыку всякий проезд.

При захождении солнца, – преподав нам из кареты благословение, а отцу Г—лову подтверждение одуматься и явиться в Михайловский монастырь, преосвященный отправился в Ружин, а я в сумерки выехал из Фасовы и ночевал у отца Т—на без чаю... Така-то честь благочинным; а трудись и отвечай за грешки подведомственных».

«17-го мая. Зато утром выпил три стакана

и узнал, что в Белогородке еще более гонял за книги, чем у нас. Следовательно, всем досталось на калачи».

Но эта ревизия преосвященного Аполлинария, с получением от него «на калачи», оставила, по-видимому, у сельского духовенства довольно сильное впечатление и значительно усугубила «притрепетность», которую совсем не имел таланта возбуждать «старичок Божий» Филарет Амфитеатров. Узнав, что викарый значительно строже епарха, сельские отцы при следующем новом его объезде подтянулись, и зато описание второго ожидания преосвященного Аполлинария в дневнике отца Фоки вышло всех живее и интереснее.

«6-го сентября (1849 г.). Вечером ехавший с Киева отец В—ский потревожил нас несколько уведомлением, полученным в Бузовской корчме, будто бы владыку ожидают на ночь в Ясногородку».

«9-го сентября. Протоиерей выехал из дому высматривать преосвященного, а я окрестил младенца его прихода. Мужики пьянствуют и до крови дерутся между собою, — ка-

кая несносная картина! Жиды не вправе ли упрекать христиан? Увы! увь! увь!»

«11-го сентября, неделя на новолуние. После отдыха, вечером, навещал белгородских и узнал, что отец протоиерей ездил в Бышев и в Ясногородку, но ничего не слышно там о приближении епископа, – и Бог ведает, когда он будет в нашем ведомстве и когда мы сделаем ему встречу? Чаяние наших духовных ослабело, хотя я и предписывал являться».

«12-го сентября. Однако же и 12-го еще никто не явился. Ночи холодноваты и морозцы проявляются, а тут-то гречиха еще у меня не скошена. Через разные хлопоты не знаешь, за что и приняться. Во время праздника издохла сивая корова, купленная в Княжичах, а прежде двое телят».

«14-го сентября, среда. Поклонников было до полсотни, и мы после литургии отправились в Крюковщину, где застали духовенства довольно – кажется, с восемь священников. Обедали, самоварствовали и, наконец, по причине мрачной ночи и росившего дождика, остались ночевать».

«15-го сентября. В часу первом после обеда

уехали и достигли благополучно дома. Опять застали издохшую телушку. И у крестьян тоже гибнет скот. Беда!»

Но зато при этой беде сейчас же следует долгожданное событие, заставляющее отца Фоку забыть беду скотопадения и полагающее конец его долгим странствиям с целью «высматривать преосвященного».

«В сумерки летит ко мне из Белогородки записка, писанная рукою плисецкого священника, отца Иоанна Колтоновского, который уведомляет, что преосвященный уже к Плисецкому приближается... Я узнал, что отец протоиерей против ночи (то есть на ночь) отправился в Ясногородку, а я, устроив тогда же порядок в своей церкви и умолив Косьму Иващенко, чтобы до света ехал в Киев за покупками для принятия гостей, спокойно проспал до рассвета».

Это был последний спокойный сон благочинного в его собственном доме. С этих пор начинается все бóльшая и бóльшая суета, а за нею и «притрепетность», постоянно возрастающая от приходящих грозных известий.

«16-го сентября. Рано пустился в легонь-

кой повозочке, при кучерстве Кобченка, в Княжичи и часу в восьмом достигох иерейской квартиры. Только хотя отец Александр и оспаривал, что о епископе нет никаких слухов, однако же я понудил его идти в церковь и пока что приводить в порядок. Сам же остался в доме и подготавливал кое-какие приказания и распоряжения, вследствие чего и послан сидящий на костылях В—ский, в повозочке, в Новоселки, с требованием тамошнего причета и для разведывания.

Во время деланного распоряжения мать отца Александра, прибывшая к сыночку из Бердического и Сквирского уездов, пересказывала чудеса о весьма и весьма строгом обращении епископа и, можно сказать, умлевала (sic) – дай только, чтобы и мы не испытали *жезла строгости*... Умилительно просила меня, – как можно, и себя побережь и ее сынуня от того, чтобы лядвия наша не наполнилась поругания, яко же в знаемых ею местах и лицах... Что тут делать? Поневоле струсишь. Хотел бы я уже, наслушавшись красноречивых: „Ох, таточку ж мий риднисенький! Да отец же благочинный!..“ и проч. сладкоглаголивых

слов, – восхотел бы и аз уехать за тридевять земель, в тридесятое царство; но, увы, – Кобченок уже кони позаводыв в конюшню, а сам потащился выпивать канунного княжицкого меду. Пый, пый, сыну, поки со́лодко, але як буде гирко, – от тоди що будемо робыты?..

Та вже ж чы то сьяк, чы то так, – пиду, лышень, и я до храму Божого и побачу порядкив...»

Лишь отец Фока переступает за порог «храму Божого», как видит такие «порядки», что весь страх за свои «лядвия», готовые пострадать от владычного «жезла строгости», у него пропадает, и благочинным овладевает его веселый юмор, предавшись которому, он продолжает писать по-малороссийски:

«Колы ж я туды вийду (то есть в храм)... Гóсподы мылостывый!.. Жинóк (баб) трóха не з десять стоят рбком, попидтыкованных, и мыют в церкви пидлогу (полы), а чоловиков (мужчин) мабут з чотыри – хто з виныком, а кто з крылом птычым, ходят меж жинками, да все штурхають да обмитають то порох (пыль), то паутыну... Побачивши таке безла-

дье, я подумав соби, гришний: ну що як владыка до нас рум (сейчас нагрянет) и застане в циркви нас с пидтыкаными жинками?.. От-то реготу (хохоту) богацко буде!..

Тым часом все сдиялось до ладу, и мы, взгромоздивши на колокольню старого слипого сторожа, щоб на окуляры дывивсь (в очки смотрел) на дви дорози: Ясногородску и Музыцку, хто буде дуже шпбрко котыться по дорози. Але ж то, отцове, як був тоди вельми велький и холодный витер, то раз сторож збунтовав нас, що катыться брыль по дорози, зирванный з головы Пылипона Крупчатника... Другий раз нас сполошыв, як побачив, що пид корчмою на самисинькой дорози покатывсья соцький, як иого сперещив москаль по потылицы (солдат съездил по затылку). Третий раз усе-таки наш слипый сторож крычав на дзвиницы як дурный, побачивши, що гончар перекунывсь, идучи (едучи) з Ясногородки, и горшки з воза (телеги) покотылись... А в четвертый раз... да вже совсим не до ладу, та що же маете работы... оглашенный дид крычит, що *котыця овечка!* Тпфу ты пропасть! Ходым до хаты, да вин, старый дурень,

ще не так буде нас дурить.

Ото мы пошли в комнату вдовой госпожи, не успели там натошак выпить по стакану канунного меду, как увидели запыхавшись бегущих мужичков и уверяющих, что два экипажа от Ясногородки уже приближаются к селу.

Тут можно было и в самом деле ошибиться, ибо два экипажа – коляски, впряженные по четыре хороших лошади с фурманами и лиокаями,[4] – але ж то ехали подле церкви паны якись-то и покатылись по гребли.

Мы опять возвратились в комнату госпожи, колы глядь, аж наш сторож полиз уже в свый погребнык и каже:

– Я поснидаю, – та, надивши кожух, вылизу на дзвоныцю, то певне вже як засну, то мени во сни що-нибудь прывидится.

– Ей, гляды ж, диду, гляды, а мы пойдём снидати, або вжей обидати до прыкащика, г. Сотничевского – Амфилохия Петровича».

«Это было уже в часу втором пополудни, и то дай Бог здоровье его жене (то есть Сотничевского, Амфилохия Петровича), подкрепились сперва водочкой и маринованною рыб-

кою, а потом чаем и рябиновым пуншиком, к которому приехал и отец Стефан с нетрезвым Н—м. Испив в заключение кружку очень приятного хлебного квасу, мы, в часу пятом, опять пошли к госпоже М—ой. Тут является наш хромоногий курьер из Ясногородки и уверяет, что сейчас только возвратился посланник из Плисецкого в Ясногородку с известием, что должно всенепременно владыку ожидать на следующих за сим двух днях, и что он уже неотменно будет.

Итак, слыша уверения хромоногого гонца и видя приближающееся к закату солнце, мы уже решились идти на подкрепление и ночлег к отцу Александру; но вдруг бегущие дают знать нам, что епископ едет на плотине, и мы едва-едва успели выйти к нему навстречу. Я подошел к самой карете, и первое слово его было: „Давно ли я приехал в Княжичи!“

Когда вошли с ним, при пении запыхавшегося и слабого клира, в алтарь, тогда только загорелся серничек в руках ктитора и начали зажигаться свечи».

Столько отец Фока употребил предусмотрительности и самых опытных предосторож-

ностей, чтобы владыка был «высмотрен», но вот как оно вышло мизерно и жалостно: хор поет запыхавшись, архиерей проходит в алтарь впотьмах, и тогда только еле-еле «загорается серничек в руках ктитора».

Так эти злополучные встречальщики с их хромыми курьерами, слепыми махальными и «раком» ползающими по церкви и «подтыкованными жинками», выбились из сил и сбились с толку гораздо ранее, чем их толк и сила потребовались на настоящее, полезное служение отечественной церкви.

Осмотрев антиминос и св. дары, архиерей пошел посмотреть, как живет священник.

«Там (пишет отец Фока) я застал преосвященного, пересказывающего, что в иных местах (конечно, киевской же епархии) священство не в пример хуже имеет квартиры, и повествовал нам о ночлеге своем у одного пастыря, как там дули в окна ветры, а под окнами хрюкали целую ночь свиньи».

Засим приходит какой-то «пьяный пан К—ский» — это епископу не нравится, и он уезжает скорее, чем ожидали.

Проезжая через село Гореничи, где настоятельствовал сам автор дневника, преосвященный был ласков; разговаривал с женою отца Фоки и его дочерьями; хвалил вышитую икону, выпил стакан чаю, «покушал ушечки и свежешего ляца и проч. и запил мадерою».

«По моей просьбе, – продолжает о. Фока, – обещал зайти в храм Господень, который весь тотчас же *превратился в иллюминацию*».

У отца Фоки эта часть, как видно, была в таком порядке, что он мог ее смело репрезентовать своему епископу. Но архиерей был, очевидно, утомлен обилием почетных церемоний и «просил, чтобы не делать никакой встречи и пения».

«Войдя в церковь не прямыми дверями, а прейдя инуде через пономарню, его преосвященство „несколько сконфузился“, заметив в храме десятка три прихожан, и приложился к иконе Божией матери».

Дневник не объясняет, чего именно «skonфузился» владыка, «заметив десятка три прихожан», – показалось ли ему, что три десятка людей мало для его приезда и «иллюмина-

ции», в которую «превратился» по этому случаю храм; или ему уже до такой степени надели сбегавшиеся ему навстречу люди, что один их вид приводил его в смущение? Дневник также ничего не сообщает, сказал ли кто-нибудь архипастырь этому «малому стаду» верных? Видно только, что он «приложился» к иконе и осмотрел «превратившийся в иллюминацию» храм. А это очень жалко, потому что, как справедливо кем-то замечено, наши простолюдины особенно любят «вероучительное слово», просто и прямо обращенное к ним от высших лиц церковной иерархии, и некоторые из нынешних архиереев, нраву которых не претит это простосердечное желание, стараются не отказывать в этом (таков, например, преосвященный Модест, стяжавший себе своею беседностью *aura popularis*[5] на Подлясье). Но любители пышности смотрели на эти вещи иначе, и потому сношения архипастыря с «малым стадом» в Гореничах, может быть, были бессловесные. Иначе аккуратный записчик всего происходящего, отец Фока, не преминул бы отметить это в своих записях. Но он заключает сказание о сей встрече-

че кратко словами: «простился, благословил и уехал». А затем следует неинтересная роспись «фургонов», на которых повезли конторщика, дьяконов и иподиаконов, в числе коих проименован отец Адий, с пояснительною аттестациею: «всеми презираемый». Маленьких певчих отец Фока пожалел, оставил у себя ночевать и уложил «всех покотом», а утром супруга отца Фоки накормила этих утомленных мальчиков «горячими пирогами с говядиной», за что они, оправясь от усталости, в благодарность хозяйке «запели несколько кантиков», а она им дала на орехи по «злотому» (то есть по пятнадцати копеек).

Потом и этих ребят запаковали в фургоны и отправили.

«Певчие остались нашим угощением довольны, как заметно было», – отмечает практический отец Фока, не пренебрегавший, по видимому, и единым от малых сих, часто видящих лицо его преосвященства. И эта заботливость о ребятках, по правде сказать, представляет самое теплое место в интересном дневнике отца Фоки.

Затем финал, по обычаю: «Выпроводивши

их, мы порядочно принялись отдыхать и проспали до того времени, как приехала к нам Анна Федоровна на поклонение».

Ничьи «лядвии» не пострадали и все кончилось «простенько, но мило», – только много было хлопот и шуму, и притом чуть-чуть не из-за пустяков.

Но бывали хлопоты и совсем из-за пустяков.

Всем изобильный дневник отца Фоки сообщает небольшую историйку и в этом роде.

Выписываем еще одно последнее сказание из летописи отца Фоки, и очерк наш кончен.

«13-го августа (1851 года). Застал дома указы о проезде епископа по епархии с 16-го августа. Труды и заботы, писания. Хлопоты и ниоткуда пособия. Всего уродило 28 коп.

15-го, среда. После обеда, по моему приказанию, прибирают в храме, ибо владыка будет ехать, – чтобы не заехал в Гореничи... А у меня дел по хозяйству пропасть, но об них некогда и подумать.

16-го. Посланец донес, что владыка Аполлинарий уже в Рубежевке, и мы вечером в Ко-

пылове.

Духовенство стало начеку, и даже прозвонили (на колокольне) какой-то карете, в которой (как после оказалось) ехал не архиерей, а сидела помещица, генеральша Данилевская... В сумерки еще, сидя за самоваром, прислушивались приезда, а после ужина я преспокойно уснул.

17-го. До двенадцати часов постничали, а после прекрасно покушали свежей рыбы и пирогов и прекрасно заснули, по обычаю предков. По захождении солнца настояли нарядить гонца для рекогносцировки (высматривать архиерея), но после ужина довольно поздно положились отдыхать с о. Василием и Стефаном... Долго я не мог уснуть, ожидая вестника; наконец, едва только вздремнул, как послышалось громогласное пение: „*Слава в вышних Богу*“, раздающееся на подворье. Мне вообразилось, что это архиерейские певчие, и я вышел, но к немалому моему удовольствию узнал, что это хор отца протоиерея с провожатыми».

Архиерей, за различными путевыми неурядицами, заставлявшими его «сердиться

и кричать», проехал мимо. По этому случаю и была пропета на дворе ангельская песнь: «Слава в вышних Богу». А если бы владыка приехал, то, конечно, отцы воспели бы: «Днесь благодать Святого Духа нас собра...» Вообще довольно трудно разобрать: что они, искреннее поют или вопиют, зывают или глаголят? И винить их строго нельзя, они так спозаранок натасканы.

Одна московская газета («Современные известия»), рассуждая о явлениях, которые составляют «потрясающую сатиру на растление нашего общества», весьма справедливо говорит: «то, чему мы теперь осуждены быть печальными свидетелями, есть прямой плод разлада слов, мыслей и дела: лицемерие благочестия обращается в лицемерие атеизма». Это верно, и следы этого ясны во всем, к чему бы мы ни обратились *ab imo rectore*. [6] Надо иметь бесстыдство людей, для коих служит поводом поговорка «*après nous le déluge*», [7] чтобы еще и теперь стоять за какое бы то ни было укоренившееся лицемерие, в какой бы то ни было форме. Во всякой форме оно ведет к одному: к деморализации...

Corruptio optimi pessima.[8]

Впервые опубликовано – газета «Новости», 1879.

Примечания

С начала (*лат.*).

[^^^]

Достоинo замечания, что сердце автора сжималось таким страхом в ожидании добрейшего из людей – митрополита Филарета Амфитеатрова, простосердечие и мягкость которого в киевской епархии были всем известны. (Прим. Лескова.).

[^^^]

Следовательно (*лат.*).

[^^^]

Лакеями (укр.).

[^^^]

5

Народную любовь (*лат.*).

[^^^]

6

От глубины сердца (*лат.*).

[^^^]

7

После нас хоть потоп (*франц.*).

[^^^]

8

Хуже нет – портить лучшее (*лат.*).

[^^^]